

ОТНОСИТЕЛЬНО ОДНОГО МАНИХЕЙСКОГО СЮЖЕТА В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА И КАЗАХСТАНА¹

С.Г. Боталов

Статья посвящена анализу материалов, полученных автором в результате дообследования кургана Кула-Айгыр, расположенного в долине р. Шерубай-Нура Карагандинской области Казахстана. В результате анализа материалов (предметы конской узды, китайское бронзовое зеркало, серебряные нашивные пластины, головной убор, серебряный кубок) и обстоятельств захоронения автор приходит к выводу, что умерший обладал высоким социальным статусом, вероятнее всего, относился к числу манихейских первосвященников из числа миссионеров енисейских средневековых кыргызов. На это указывают и типичные элементы конской узды (серебряная инкрустация по железу) скизской культуры Хакасии. Появление миграционных ареалов от Саяно-Алтая до Южного Урала и далее в Восточную Европу относится к эпохе тюркских каганатов и продолжалось вплоть до установления улусов Золотой Орды. Манихейское влияние на регионы Южного Урала осуществлялось из районов Семиречья (столицы Западно-Тюркского каганата Суяб, Невкет) и с территории Кыргызского каганата, где влияние манихейства сохранялось вплоть до самого позднего периода XIII—XV вв. Именно на этом этапе могла осуществляться некая миссионерская деятельность манихейских первосвященников, направленная на запад — в Казахстан и Южный Урал, в рамках ранее известных тюркокультурному населению на Енисее маршрутов кочевников Саяно-Алтая.

Ключевые слова: Кула-Айгыр, средневековье, манихейство, скизская культура.

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия; ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия.

Botalov Sergey Gennad'evich, Professor, Dr., Leading researcher at the South Ural Archaeological Center of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; Leading researcher at the Scientific and Educational Center for Eurasian Studies of the South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: grig@csc.ac.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени». URL: <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>.

В 1989 г. автором статьи проводилось дообследование разграбленного погребения Кула-Айгыр, расположенного в 4,5 км к юго-востоку от центральной усадьбы совхоза Топарский Карагандинской области Казахстана. Кроме того, был осуществлён сбор информации и материала, который любезно был предоставлен участниками несанкционированных раскопов. Результаты этой экспедиции были опубликованы на страницах журнала «Российская археология» (Боталов 1992: 230—239).

По данным раскопщиков и результатам дообследования, погребение было совершено под небольшим курганом, сложенным из камня. Покойник лежал головой на северо-восток. В головах стоял серебряный кубок, слева у левого колена располагались серебряные нашивные пластины, ниже — два железных стремени. Кроме этого в погребении было обнаружено бронзовое китайское зеркало, которое было извлечено из норы барсука, и части конской узды: кольца удила и железные инкрустированные серебром рыбковидные накладки (6 экз.) (рис. 1). Этот комплекс неоднократно упоминался автором в публикациях как образец скизских памятников каменского этапа на территории урало-казахстанских степей (Боталов 2000: 377—380; Боталов и др. 2019: 209—211). Погребальный инвентарь (серебряные кубки, инкрустированные накладки, нашивки с чеканными украшениями) характерен для комплексов каменского этапа скизской культуры, датированного И.Л. Кызласовым XIII—XIV вв. (Кызласов 1983: табл. XXXVIII, рис. 18, 20—22, 26, 120). Этому периоду не противоречит датировка стремян таких типов в Восточной Европе (тип ДП по Г.А. Фёдорову-Давыдову; тип IXA по А.Н. Кирпичникову) и Приуралье (Боталов и др. 2019: 209—212). Что касается серебряных нашивных пластин, то их прямые аналоги нам пока неизвестны, хотя орнаментальные мотивы чеканного узора встречаются на серебряных амулетах и китайских зеркалах, колчаных накладках, «боках» и других предметах кыпчакских погребальных комплексов (Боталов и др.: 2019: 209—212). В целом данный комплекс целесообразнее всего поместить в рамки XIII в., не исключая перехода в начало XIV в.

Нет смысла детально описывать его повторно. В контексте нашего исследования особый интерес представляют артефакты, связанные с атрибутами манихейского религиозно-культурного облика. К ним относятся, прежде всего, серебряный кубок, нашивные серебряные с позолотой пластины, также статусным предметом является китайское бронзовое зеркало.

Кубок с конусовидной ножкой. Он изготовлен из тонкого серебряного листа. Высота 18 см, диаметр устья 13 см. Под утолщением венчика расположен поясок кружкового орнамента, ограниченного параллельными линиями. На внешней плоскости кубка нанесено три изображения: лежащего оленя, лежащей коровы

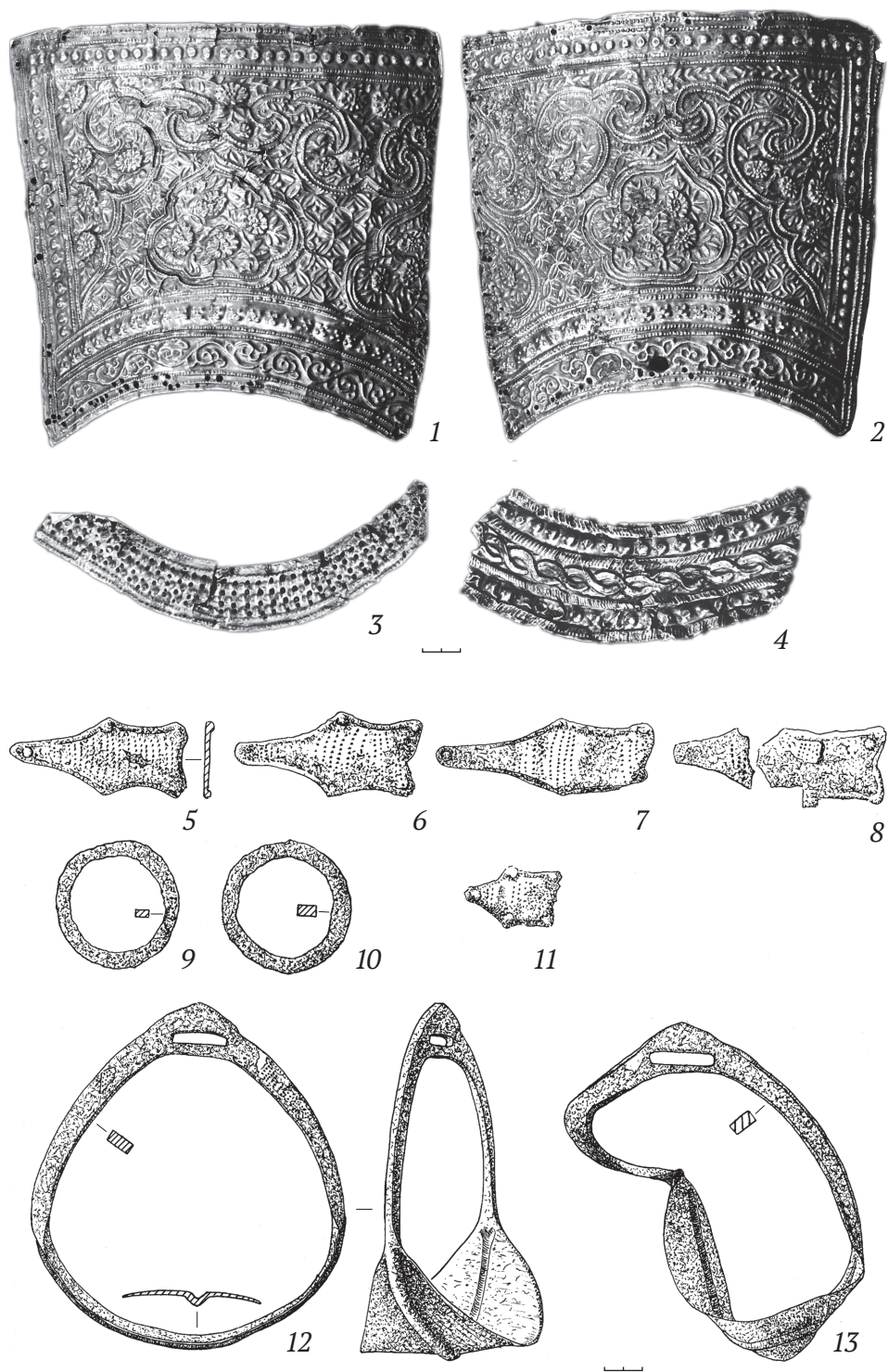

Рис. 1. Кургan Кула-Айгыр: 1–4 — серебро с позолотой; 5–8, 11 — серебро; 9, 10, 12, 13 — железо

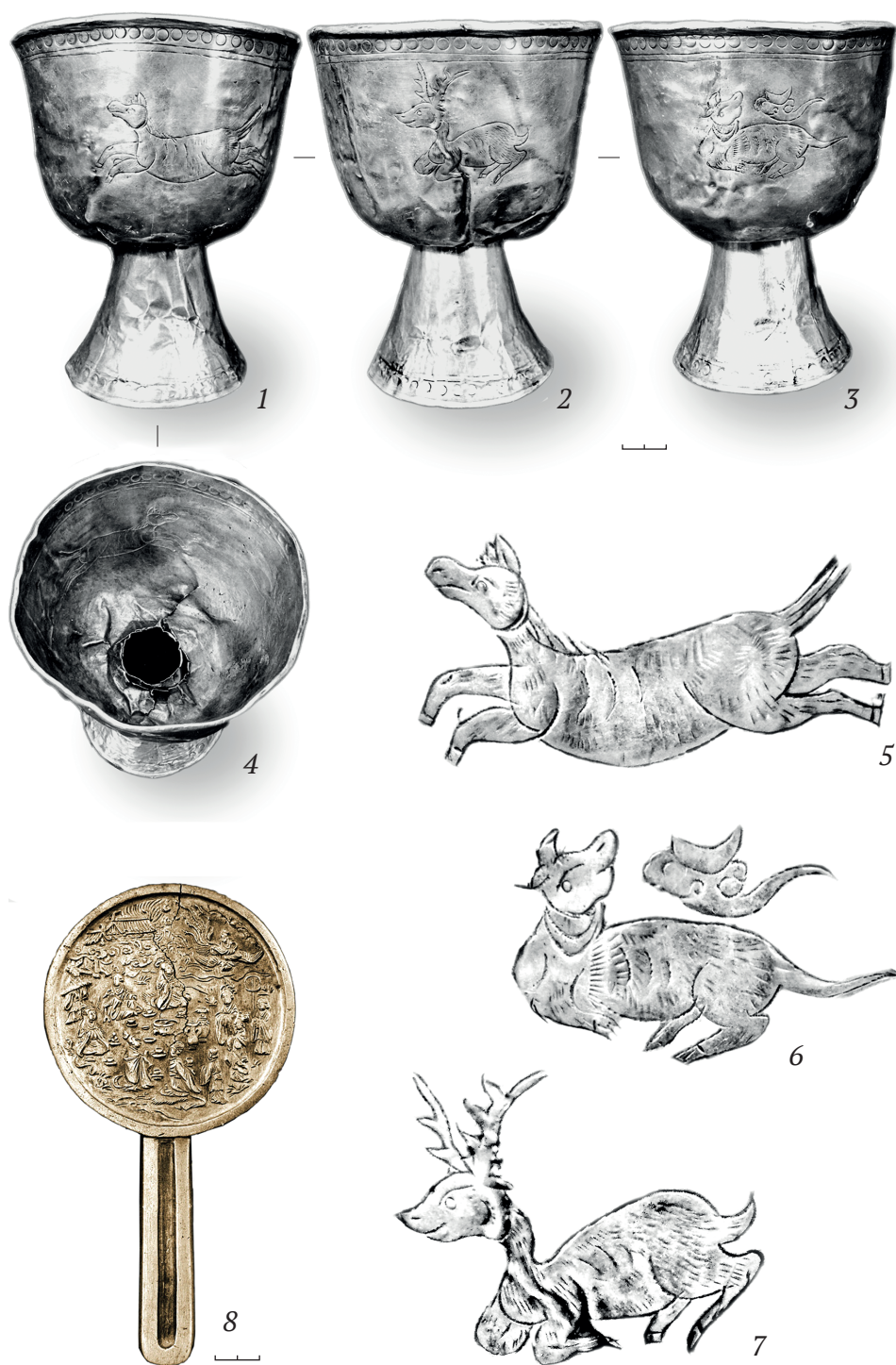

Рис. 2. Курган Кула-Айгыр: 1—4 — серебро с позолотой; 8 — бронза;
5—7 — экспликация рисунков на кубке

с повёрнутой назад головой и с изображением облака и луны над ней, а также скачущей (беременной?) лошади (рис. 2: 1—7).

Нашивные пластины. Две крупные вертикальные пластины подквадратной формы имеют продольный сгиб, в основании более сужающийся. Размеры, соответственно, 19,5×20×16 см (по прямой). Пластины имеют сложный чеканный орнамент. Орнаментальные зоны насчитывают два яруса, разграниченные двойной выпуклой насечкой по краям и извилистым растительным (стебли и соцветия) орнаментом. Один верхний горизонт круглых выпуклых жемчужин ограничен двумя линиями насечек внизу и сверху. Эта же орнаментация продолжается, опускаясь по одной из вертикальных границ. По центру — широкая зона высотой до 11 см, заполненная фигурными зооморфными и бутонообразными крупными фестонами, в которые органично вписаны растительные и циркульные орнаменты. Первые представляют собой соцветия смоквы, вторые — окружности, имеющие внутренние сегментовидные разделения, образующие листовидные изображения. По всем краям пластин располагаются сшивные отверстия (рис. 1: 1—2).

Две малых сегментовидных нашивки. Широкая нашивка размером 3,6×9,3 см орнаментирована чеканкой в виде косички и рядов фигурных выпуклостей (соцветий?), между которыми нанесены косые нарезки, ограничивающие и края. Узкая нашивка размером 1,8×10 см ограничена по краям точечными выпуклостями. По центру 3 и 4 ряда вдавлений и выпуклостей (рис. 1: 3, 4). Данные пластины, по всей видимости, являются декором богатого головного убора — колпака цилиндрической формы, украшенного по вертикальным боковым плоскостям, сбоку и сверху, двумя концентрическими накладками: тонкой (внешней) и широкой (внутренней). Диаметр убора, судя по реконструкции сегментовидного фрагмента облицовки верха колпака, по внешнему краю был до 17 см. Размеры его, вероятнее всего, по вертикали составляли более 20 см. Точнее сказать сложно, так как мы не можем реконструировать высоту основания, которое для удобства ношения должно было представлять некий амортизированный матерчатый валик. Нечто подобное мы видим на оригинальном изваянии (рис. 3) из Карабалыкты Чуйской долины (по материалам: (Бернштам 1941: табл. X, 13; Шер 1966: 99, табл. XIV, 57). Этот экземпляр, по мнению Я.А. Шера, отличается от всех изваяний Семиречья высокой тщательностью и мастерством отделки (Шер 1966: 99, табл. XIV, 57).

Предложенная нами реконструкция основных культовых элементов, сопровождающих покойника, оказалась максимально схожей с изображением на каменной скульптуре из Карабалыкты (рис. 4).

Далее представленный материал можно рассматривать по двум направлениям: первое — культурно-миграционное; второе — культово-религиозное.

Рис. 3. Семиречье, Чуйская долина, урочище Карабалыкты (Шер 1966)

Рис. 4. Кургan Кула-Айгыр. Реконструкция

В первом случае обратим внимание на время и динамику западного переселения кыргызского населения.

В данном случае на рассматриваемом этапе средневековые кыргызские комплексы с аскизскими вещами, весьма удалённые от государства хакасов, единичны. Сегодня известны два комплекса в Европе: на р. Дон (погребение у поселка Петровского (Кызласов 1980)) и в Венгрии (у села Ракамаз) (Мештерхази 1984). В Волго-Камье на материалах Волжской Булгарии К.А. Руденко показал, что в XI—XII вв. предметы аскизского облика получили чрезвы-

чайно широкое распространение, хотя универсальные вещи, такие как колчаные крюки, детали сбруйного набора, продолжали бытовать и в золотоордынский период XII—XIV вв. (Руденко 2000, 2001). Их культурная принадлежность определяется, прежде всего, по типам накладок и предметам конского снаряжения. Накладки датируются концом XIII в., а элементы конского снаряжения — началом XIII в. Отвечая на вопрос, каким образом могли попасть на столь отдалённое расстояние аскизские вещи, И.Л. Кызласов и К. Мештерхази высказали мнение, что на Дону и в Венгрии они оказались в качестве дорогов трофеев в период монгольских завоеваний воинов-кыпчаков.

Однако кыргызские миграции на Южный Урал принято рассматривать в рамках более длительного историографического периода, а проникновение енисейского населения в урало-казахстанские степи начинается гораздо раньше аскизского периода.

В конце 1980-х гг. на юге Челябинской области, в долине р. Большая Караганка (левый берег р. Урал), были исследованы памятники (могильник Александровский, курганы 1, 2), в которых на подкурганых площадках вместе с продуктами горения были обнаружены своеобразные керамические сосуды: высокие банки и кувшинообразные сосуды (вазы) с плавной профилировкой. Когда количество подобных памятников достигло 15 единиц (Елентау, курган 4; Кайнсай, курган 4, Крутой Овраг, курганы 2—4; Селенташ, курганы 4, 5; Кызыл-Жар, курганы 1—3, сооружение 8 и др.), стало очевидно, что мы имеем дело с особыми археологическими объектами, которые впоследствии были отнесены автором к памятникам «селенташского» типа (Боталов 1996: 148—158).

Л.Р. Кызласов после ознакомления с материалами данного типа памятников предложил отнести их к комплексам, которые связаны с объектами средневекового хакасского населения тюхтятской культуры на территории Южного Зауралья. Основанием для данного заключения стали абсолютно характерные высокопрофилированные сосуды (вазы) с орнаментацией в виде прочерченного треугольного зигзага по плечу и косыми насечками по венчику, а также бисерцевидная бронзовая и геральдическая щитовидная полиметаллическая (серебро с позолотой) накладки из кургана 4 Елантау (Боталов 1996: 148—158).

С открытием могильника Уелги тюхтятская «повестка» получила особое значение. В коллекции поверхностных сборов и раскопов появились вещи сrostкинско-го и тюхтятского типов (тройники с растительным орнаментом, прямоугольные накладки с растительным орнаментом, ажурные застёжки с фигурным носиком-выступом, наконечники ножен, сердцевидные бляхи с умбоном по центру).

Чуть позже появились ажурные подвески и арочные наконечники ремня с трилистником, связующим элементом в основании, а также концевые накладки с парными цветами смородины (рис. 5).

Рис. 5. 1–12 — Погребальный комплекс Уелги; 13–17 — Местонахождение Дубровное (1–5, 7, 11, 12, 17 — серебро с позолотой; 8–10 — серебро; 6, 13–16 — бронза)

Тюхтятская стилистическая группа в комплексах сопутствует предметам сrostкинско-го типа. Однако, в отличие от сrostкинско-й стилистической группы, она не получила столь широкого распространения, как другие группы и сюжетные линии; предметы этого типа, как и askизкие (ременные наконечники, Т-образные наклад-ки тройников и др.) известны далеко на западе — в Поднепровье, Подонье и европейской части России (Древности Приднeпровья 1907: 30, № 407; Король, Конькова 2007: 145–156, рис. 1, 2; Король 2008: 168, рис. 41: 1, 2). Западный регион хождения тюхтятской стилистической группы, вероятнее всего, ограничивается Алтаем, Поиртышьем (Зевакинский могильник), Южным Зауральем (Уелги) и юго-западом Сибири.

Таким образом, транскультурная кыргызская коммуникация Енисей — Южный Урал является не разовым эпизодическим событием

в предмонгольский и золотоордынский период, а устанавливается в сравнительно ранний период в IX в., с проникновением в Южное Зауралье комплексов тюхтятской культуры. Эти материалы появляются на Южном Урале вместе с алтайским населением — носителями сротскинской культуры. Последующее смещение тюркокультурного сротскинско-тюхтятского и местного кушнаренковско-караякуповского и петрогромско-юдинского праугорского населения приводит к формированию на Южном Урале протомадьярского субстрата (синеглазовский этап).

В этой связи появление предметов сротскинского и тюхтятского типов (Боталов, Грудочко 2023; Король, Конькова 2007; Gáll, Szenthe 2000) далеко на западе, в Восточной Европе, на наш взгляд, отражает формирование большого мадьярского миграционного ареала, который существовал вплоть до золотоордынского периода включительно, о чём мы писали неоднократно (Боталов 2017, Боталов и др. 2019: 125—140).

Культово-религиозный аспект в интерпретации Кула-Айгырского комплекса связан с его социальной персонификацией покойника.

Необычные сопровождающие атрибуты, безусловно, характеризуют его особый статус. Интерпретируя изобразительные сюжеты богато орнаментированной серебряной (с позолотой) гарнитуры из погребального комплекса Уелги, Актюба и Синеглазовского могильников, относящейся к синеглазовскому этапу IX—X вв., автор пришёл к выводу об исключительном влиянии манихейства на формирование этих изобразительных практик, в которых ярко представлены, кроме собственно манихейских, христианские (несторианские), буддийские и индуистские стилистические линии (Боталов, Байоглу 2017; Боталов, Грудочко 2023; Боталов 2023).

Просматривая изображения манихейских манускриптов, автор обратил внимание на необычные головные уборы манихейских первосвященников. Они представляют собой цилиндрические колпаки, в ряде случаев заметно их особое декорирование (рис. 6).

Специалист по каменной скульптуре Казахстана Л.Н. Ермоленко в различных работах особым образом рассматривала манихейское влияние на изобразительную практику изваяний (Ермоленко 1990, 2002, 2004). Обязательным манихейским атрибутом, по мнению исследователя, являлся сосуд для воды. В одной из своих работ автор приводит фразу немецкого специалиста по манихейским рукописям К. Кесслера. Говоря о похоронах манихейского священника, он пишет, что посланники «берут праведника, облачают его в корону, венец и одежду, дают ему сосуд для воды в руку» (Ермоленко 2004: 46).

Китайское бронзовое зеркало. Диаметр — 118 см, общая длина с боковой ручкой — 220 мм. Зеркало оконтурено бортиком, характерным для зеркал династии Сун, Цзинь. Обратная сторона содержит сюжетную сцену. Боковая ручка не орнаментирована, но при этом имеет тот же характерный бортик.

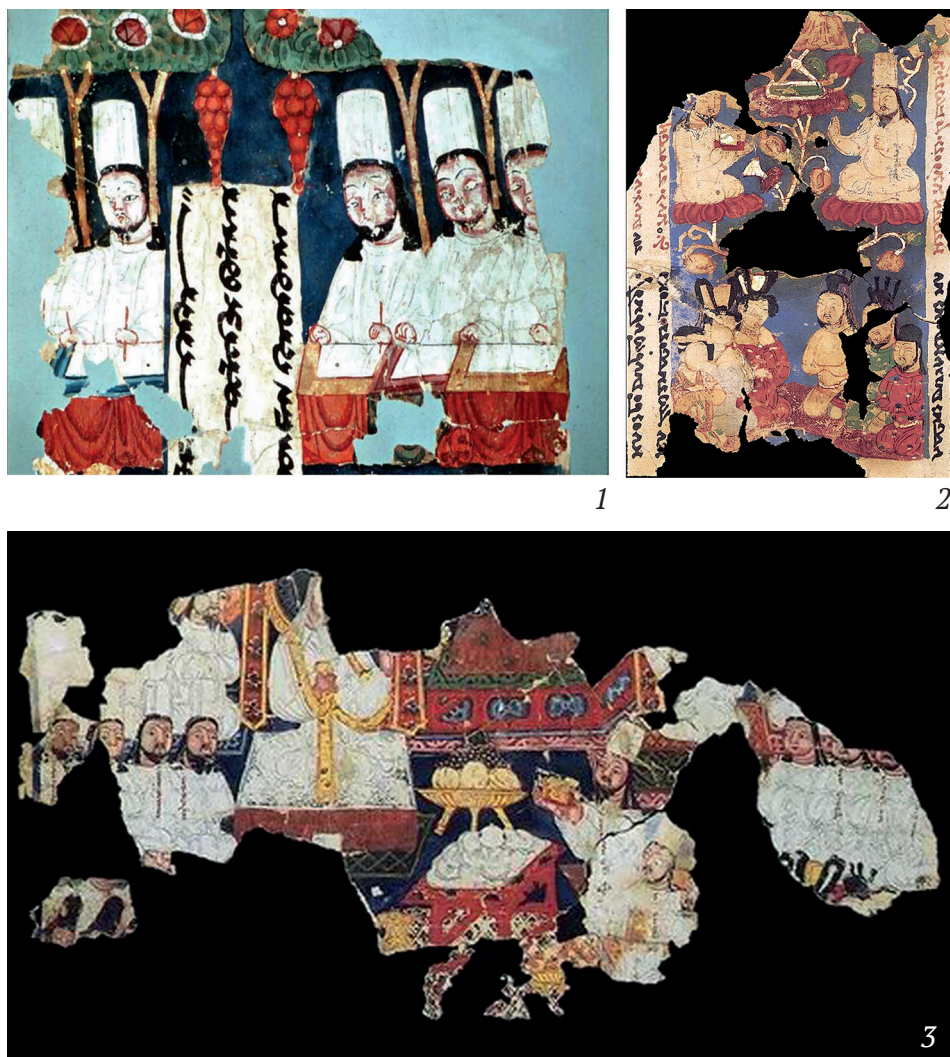

Рис. 6. 1 — священники-манихеи в белых одеждах переписывают суры (рукопись VIII—IX вв., Гаочан, Таримский бассейн); 2 — фрагмент из манихейского текста, изображающий «Сцену проповеди» в уйгуро-манихейском стиле; 3 — фрагмент манихейского манускрипта под номером МІК ІІІ 4978

В связи с тем, что данный вид зеркал является чрезвычайно редкой находкой, что, безусловно, говорит о высоком статусе его хозяина, точную датировку его установить весьма сложно. Сюжет, подобный изображенному на нём, просуществовал в течение довольно долгого периода — от династии Сун, Цзинь до начала Юань.

По мнению известного специалиста по китайским зеркалам С.А. Ханова, данный сюжетный шаблон известен в Китае, имеет название 瑶池人物故事镜 [yáochí rénwù gùshi jìng] и по сути переводится как «зеркало повествовательных (былинных) историй персонажей Яшмового (Нефритового) пруда». Предполагается, что он изобра-

жает сцену чаепития восьми даосских бессмертных в обители неба, куда они были приглашены на день рождения Королевы-матери, повелительницы Запада (西王母, xīwángmǔ), отмечаемый в третий день третьего лунного месяца. В этом случае на зеркале изображены восемь бессмертных даосов и Сиванму с Дун Вангуном, князем — повелителем Востока. Теоретически на зеркалах изображения всех даосских бессмертных в своём роде каноничны, но при таком миниатюрном изображении этого достичь было сложно. Можно предположить, что Чжунли Цюань здесь традиционно изображён с опахалом, Чжан Го-лао, стоящий в центре, — с барабаном, Цао Гоцзю — с бамбуковыми трещотками-кастаньетами, бессмертная Тянь-хоу Мацзу (Линь Мо) — верхом на красном фениксе. Остальные персонажи трудно узнаваемы, поскольку отсутствуют или невыразительны мелкие характерные (составляющие некий канон) детали. Принято считать, что небесная обитель Сиванму находится на пике одной из гор хребта Куньлунь либо в горах Восточного Тянь-Шаня, где находится нефритовый пруд Яочи, упоминаемый в китайском названии шаблона. Либо существует вариант обитания Сиванму на горах плавающего острова Пэнлай, куда бессмертные даосы перебирались, переплывая Восточное море.

По центру зеркала расположена трещина от преднамеренного посмертного повреждения. Этот факт косвенным образом также указывает на статусность покойника.

Подведём итоги. Курган из урочища Кула-Айгыр, расположенный в долине р. Шерубай-Нура, является редким и уникальным комплексом. Однако появление его на большом коммуникационном маршруте Енисей — Алтай — Казахстан — Восточная Европа (Волга, Дон, Карпатская котловина) вполне закономерно. Он своеобразно маркирует существование большого миграционного ареала, в рамках которого перемещалось население разных кочевых культур Южной Сибири: тюркской (туэктинской), сросткинской, тютятской, азскизхской и др. Представители этого населения, вероятно, сыграли важную миссионерскую роль в распространении восточных монорелигий (буддизм, несторианство, манихейство).

В случае с погребением в кургане Кула-Айгыр, судя по сопровождающему инвентарю, умерший обладал определённым статусом, вероятнее всего, был манихейским первосвященником. Манихейское влияние на регионы Южного Урала осуществлялось из районов Семиречья (столицы Западно-Тюркского каганата Суяб, Невкет) и с территории Кыргызского каганата, где влияние манихейства сохранялось вплоть до самого позднего периода XIII—XV вв. (Кызласов 1999: 40). Вероятнее всего, именно на этом этапе манихейским первосвященником могла осуществляться некая миссионерская деятельность, направленная на запад — в Казахстан и Южный Урал, в рамках хорошо известных тюркокультурному населению на Енисее маршрутов кочевников Саяно-Алтая.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам А.Н. 1941. *Археологический очерк Северной Киргизии*. Фрунзе: Изд-е Комитета наук при СНК Киргизской ССР.
- Боталов С.Г. 1992. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр. *Российская археология*, № 2, 230—239.
- Боталов С.Г. 1996. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье. *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала*. Челябинск: Каменный пояс, 148—158.
- Боталов С.Г. 2000. Поздняя древность и средневековье. *Древняя история Южного Зауралья. Т. 2: Ранний железный век и средневековье*. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 207—431.
- Боталов С.Г. 2017. Миграционные ареалы кочевой цивилизации Евразии. *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй*. Доклады III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 50—57.
- Боталов С.Г. 2023. Мировые религии и средневековые кочевники урало-казахстанских степей. *Уфимский археологический вестник*, Т. 23, № 1, 76—83.
- Боталов С.Г., Байоглу А. 2017. Распространение несторианства среди тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и Южного Урала в VI—XI вв. *Уральский исторический вестник*, № 4 (57), 98—103.
- Боталов С.Г., Грудочко И.В. 2023. Относительно культурной атрибуции одного типа сросткинской поясной гарнитуры. *Уральский исторический вестник*, № 2 (79), 146—150.
- Боталов С.Г., Костюков В.П., Маслюженко Д.Н., Миргалеев И.М. и др. 2019. *История Южного Урала. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX — начало XV века)*. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ. (История Южного Урала: в 8 т. Т. 5).
- Древности Приднепровья 1907: *Древности Приднепровья и побережья Чёрного моря*. Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко. Вып. 6. Киев: Фототипия и тип. С.В. Кульженко.
- Ермоленко Л.Н. 1990. Манихейство и скульптура уйгурского периода Тувы. *Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири*: тез. докладов. Томск: ТомГУ, 122—124.
- Ермоленко Л.Н. 2002. Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках. *Первобытная археология. Человек и искусство*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 188—192.
- Ермоленко Л.Н. 2004. *Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения)*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН.
- Король Г.Г. 2008. *Искусство средневековых кочевников Евразии*. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. 2007. Южно-Сибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X—XIII веках. *Археологические вести*, вып. 14, 145—156.
- Кызласов И.Л. 1980. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. *Советская археология*, № 2, 80—93.
- Кызласов И.Л. 1983. Аскизская культура Южной Сибири. X—XIV вв. М.: Наука.
- Кызласов Л.Р. 1999. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. *Открытие государственной религии древних хакасов. Труды Хакасской археологической экспедиции*, 7 (6):

- Университетская библиотека. Кн. 2. Манихейский семинар. Вып. 1. М.; Абакан: [б.и.], 10—41.
- Мештерхази К. 1984. Памятники аскизской культуры у с. Ракамаз. *Проблемы археологии степей Евразии*. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 55—63.
- Руденко К.А. 2000. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии. *Аскизские древности в средневековой истории Евразии*. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Государственный объединенный музей Республики Татарстан, 48—127.
- Руденко К.А. 2001. *Тюркский мир и Волго-Камье в XI—XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог*. Казань: Заман.
- Шер Я.А. 1966. *Каменные изваяния Семиречья*. М.; Л.: Наука.
- Gáll E., Szenthe G. 2020. The Problem of “Structural Integration”. A Case Study of the 9th—10th Century Burials (Graves 49 and 50) at Hortobágy — Arkus. *Materiale și cercetări arheologice (serie nouă)*, XVI, 181—197. DOI: 10.3406/mcarh.2020.2134.

REGARDING ONE MANICHAEAN PLOT IN THE CULTURE OF MEDIEVAL NOMADS OF THE SOUTHERN URALS AND KAZAKHSTAN²

S.G. Botalov

The paper deals with analysis of archaeological materials yielded from the further investigated kurgan Kula-Aygir. It is situated in the valley of the Sherubai-Nura river of the Karaganda Region of Kazakhstan. As a result of the analysis of materials (horse bridle items, a Chinese bronze mirror, silver sewn plates, a headdress, a silver cup) and the circumstances of the burial, the author comes to the conclusion that the deceased had a high social status, most likely he was one of the Manichaeans high priests from among the Yenisei missionaries medieval Kyrgyz. This is also indicated by the typical elements of a horse bridle (silver inlay on iron) of the Askizskaya culture of Khakassia. The appearance of migration areas from the Sayan-Altai to the Southern Urals and further to Eastern Europe dates back to the era of the Turkic Khaganates and continued until the establishment of the uluses of the Golden Horde. Manichaeism influence on the regions of the Southern Urals was carried out from the regions of Semirechye (the capital of the Western Turkic Khaganate Suyab, Nevket) and from the territory of the Kyrgyz Khaganate, where the influence of Manichaeism persisted until the very late period of the 13th—15th centuries. At this stage some missionary activity of the Manichaeans high priests could have been carried out to the west in Kazakhstan and the Southern Urals within the framework of the routes previously known on the Yenisei, well known to the Turkic-cultural population of the nomads of the Sayan-Altai.

Keywords: Kula-Aygir, the Middle Ages, Manichaeism, Askizskaya culture.

² This work was financially supported by the Russian Science Foundation № 24-18-20055 “Economy and social organization of pastoral societies of the Southern Trans-Urals: from late antiquity to modern times”. Available at: <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>.

REFERENCES

- Bernshtam A.N. 1941. *Arkheologicheskiy ocherk Severnoy Kirgizii* [Archaeological Sketch of Northern Kyrgyzstan]. Frunze: Izd-e Komiteta nauk pri SNK Kirgizskoy SSR.
- Botalov S.G. 1992. Askizskiy kurgan mongol'skogo vremeni Kula-Aygyr [Askiz Mound of the Mongolian Kula-Aygyr Period]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, 230—239.
- Botalov S.G. 1996. Pamyatniki selentashskogo tipa v Yuzhnom Zaural'e [Monuments of the Selentash Type in the Southern Trans-Urals]. *Materialy po arkheologii i etnografii Yuzhnogo Urala* [Materials on Archeology and Ethnography of the Southern Urals]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, 148—158.
- Botalov S.G. 2000. Pozdnyaya drevnost' i srednevekov'e [Late Antiquity and the Middle Ages]. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya. T. 2: Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e* [The Ancient History of the Southern Trans-Urals. Vol. 2: Early Iron Age and the Middle Ages]. Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 207—431.
- Botalov S.G. 2017. Migratsionnye arealy kochevoy tsivilizatsii Evrazii [Migration Areas of the Nomadic Civilization of Eurasia]. *Mezhdu Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperiy. Doklady III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey* [Between East and West: The Movement of Cultures, Technologies and Empires. Proceedings of the III International Congress of Medieval Archeology of the Eurasian Steppes]. Vladivostok: Dal'nauka, 50—57.
- Botalov S.G. 2023. Mirovye religii i srednevekovye kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepey [World Religions and Medieval Nomads of the Ural-Kazakh Steppes]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archeological Journal], vol. 23, no. 1, 76—83.
- Botalov S.G., Bayoglu A. 2017. Rasprostranenie nestorianstva sredi tyurkoyazychnykh kochevnikov Sayano-Altaya i Yuzhnogo Urala v VI—XI vv. [The Spread of Nestorianism among the Turkic-speaking Nomads of Sayano-Altai and the Southern Urals in the 6th—11th Centuries]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Newspaper], no. 4 (57), 98—103.
- Botalov S.G., Grudochko I.V. 2023. Otnositel'no kul'turnoy atributatsii odnogo tipa srostkinskoy poyasnoy garnitury [Concerning the Cultural Attribution of One Type of Srostka Belt Garniture]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Newspaper], no. 2 (79), 146—150.
- Botalov S.G., Kostyukov V.P., Maslyuzhenko D.N., Mirgaleev I.M. et al. 2019. *Istoriya Yuzhnogo Urala. U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordyy (IX — nachalo XV veka)* [History of the Southern Urals. In the Origins of the South Ural Peoples. The Southern Urals in the Era of the Golden Horde (9th — the Beginning of the 15th Century)]. Chelyabinsk: Izdat. tsentr YuUrGU. (Istoriya Yuzhnogo Urala: v 8 t. T. 5 [History of the Southern Urals: in 8 vol. Vol. 5]).
- Drevnosti Pridneprov'ya 1907: *Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'ya Chernogo morya*. Sobranie B.N. i V.I. Khanenko [Antiquities of the Dnieper Region and the Black Sea Coast. Collected by B.N. and V.I. Khanenko]. Iss. 6. Kiev: Fototipiya i tip. S.V. Kul'zhenko.
- Ermolenko L.N. 1990. Manikheystvo i skulptura uygurskogo perioda Tuvy [Manichaeism and sculpture of the Uyghur period of Tuva]. *Problemy istoricheskoy interpretatsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov Zapadnoy Sibiri: tez.*

- dokladov [Problems of Historical Interpretation of Archaeological and Ethnographic Sources of Western Siberia: Theses. Reported]. Tomsk: TomGU, 122—124.
- Ermolenko L.N. 2002. Drevnetyurkskie izvayaniya s sosudom v obeikh rukakh [Ancient Turkic Sculptures with a Vessel in Both Hands]. *Pervobytnaya arkheologiya. Chelovek i iskusstvo* [Primitive Archeology. Man and Art]. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 188—192.
- Ermolenko L.N. 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazakhstanskikh stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya)* [Medieval Stone Carvings of the Kazakh Steppes (Typology, Semantics in the Aspect of Military Ideology and Traditional Worldview)]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Korol' G.G. 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Korol' G.G., Kon'kova L.V. 2007. Yuzhno-Sibirskie importy v Vostochnoy Evrope i problemy etnokul'turnogo i regional'nogo vzaimodeystviya v X—XIII vekakh [South-Siberian Imports in Eastern Europe and Problems of Ethno-Cultural and Regional Interaction in the 10th—13th Centuries]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 14, 145—156.
- Kyzlasov I.L. 1980. Kypchaki i vosstaniya eniseyskikh plemen v XIII v. [Kipchaks and Uprisings of the Yenisei Tribes in the 13th Century]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], no. 2, 80—93.
- Kyzlasov I.L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri. X—XIV vv.* [Askiz Culture of Southern Siberia. 10th—14th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Kyzlasov L.R. 1999. Severnoe manikheystvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Northern Manichaeism and Its Role in the Cultural Development of the Peoples of Siberia and Central Asia]. *Otkrytie gosudarstvennoy religii drevnikh khakasov. Trudy Khakasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii*, 7 (6): Universitetskaya biblioteka. Kn. 2. Manikheyskiy seminar [Discovery of the State Religion of the Ancient Khakass. Proceedings of the Khakasian Archaeological Expedition. 7 (6): University Library. Book 2. Manichaean Seminar]. Issue 1. Moscow, Abakan: [s. n.], 10—41.
- Meshterkhazi K. 1984. Pamyatniki askizskoy kul'tury u s. Rakamaz [Monuments of Askiz Culture in the Village of Rakamaz]. *Problemy arkheologii stepey Evrazii* [Problems of the Archeology of the Steppes of Eurasia]. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet, 55—63.
- Rudenko K.A. 2000. Datirovka nakhodok «askizskogo kruga» iz Volzhskoy Bulgarii [Dating of the “Askiz Circle” Finds from Volga Bulgaria]. *Askizskie drevnosti v srednevekovoy istorii Evrazii*. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Askiz Antiquities in the Medieval History of Eurasia. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Kazan: Gosudarstvennyy ob'edinennyy muzey Respubliki Tatarstan, 48—127.
- Rudenko K.A. 2001. *Tyurkskiy mir i Volgo-Kam'e v XI—XIV vv. Izdeliya askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e. Issledovanie i catalog* [The Turkic World and the Volga-Kamie in the 11th—14th Centuries. Products of the Askiz Circle in the Middle Volga Region. Research and Catalog]. Kazan: Zaman.
- Sher Ya.A. 1966. *Kamennye izvayaniya Semirech'ya* [Stone Sculptures of the Seven Rivers]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Gáll E., Szenthe G. 2020. The Problem of “Structural Integration”. A Case Study of the 9th—10th Century Burials (Graves 49 and 50) at Hortobágy — Arkus. *Materiale și cercetări arheologice (serie nouă)*, XVI, 181—197. DOI: 10.3406/mcarh.2020.2134.